

Борис Александрович, вас называют человеком элитарным, как вы к этому относитесь?

- Меня это не радует и не огорчает. Не огорчает потому, что мои так называемые элитарные спектакли интересны самым «неэлитарным» зрителям. Люди тянутся к красоте, гармонии, тонкости, которые я ищу в своих спектаклях. В одной статье обо мне написали: «Режиссуру Бориса Львова-Анохина в последние годы не раз определяли как изящную». Это было сказано с легким оттенком пренебрежения: всего лишь изящно, не более того. Хотя Георгий Товстоногов, Леонид Зорин, Алексей Арбузов прибегали к определению моего творчества без того оттенка снисходительности, который задел меня в вышеупомянутой статье. Да и Владимир Даль толкует слово «изящный» как «союз истины и добра», а уж Даль знал цену слову!

- Но ведь вы не станете отрицать, что даже репертуар Нового драматического резко отличается от того, что идет в других театрах не только Москвы, но и России...

- Мне неинтересно ставить так называемые репертуарные пьесы. Я не понимаю, почему в Москве появляются четыре «Чайки», пять «Дядей Ваней», когда существует богатство мировой драматургии! Да, мне интересно открыть забытого Гнедича. Его представляли как автора второстепенного, а теперь все видят, какой это блистательный русский драматург! Какой язык, какие образы, характеры, какая интрига! Да, почти все пьесы, идущие в нашем театре, не шли на русской сцене, а если и шли, то очень давно. Скажем, «Орленок» Ростана шел много, но только до революции. Потом эта монархическая пьеса была запрещена. «Опасные связи» Шарло де Лакло мы поставили впервые. «Письма Асперна» по повелению Генри Джеймса - впервые, Андрей Сергеев поставил в нашем театре вторую пьесу Гнедича «Ассамблея», которую еще никто после революции не ставил... Да, у нас своеобразный, достаточно оригинальный репертуар. В этом можно усматривать и некую элитарность, а можно и поиск своего пути, своего сценического языка, своей сценографии.

- Ради этого вы в свое время ушли из Малого театра?

- Меня часто об этом спрашивают. Да, при всех трудностях я ищу возможности создать свой театр. Какой же это? Мое ощущение театра до сих пор достаточно наивно. «...Женщины гораздо красивее и величественнее тех, которые ходят к нам в гости... невозможно их не любить. Страшно,

хочется плакать, а все-таки это есть удовольствие... А самое замечательное - что хочется быть так же одетым, говорить и делать такие же вещи и разговаривать таким же голосом...» Это слова из стихотворения в прозе Шарля Бодлера. Мне очень понятно волнение мальчика из прекрасного сада Бодлера, и я хочу видеть театр таким. Мне чужд театр публицистический, политический, натуралистический.

тательных упражнений для наших актеров на блеск и точность диалога, стремительность ритма, темпа, изящества движений. То есть упражнения для выработки сценической виртуозности. Она, как виртуозная музыкальная пьеса, требует беглости пальцев пианиста, которую необходимо развивать.

- Вы сегодня не только не ставите современных пьес, но и не задумываетесь о том,

временная тема - оскудение любви? Это трагедия нашего поколения.

А в такой легкой, блистательной комедии, как «Маргарита Наваррская» говорится о том, что политические интриги отступают перед силой человеческой любви. Считаю современным все, что пронизано глубокой мыслью.

- Тем не менее вы в своей жизни ставили достаточно много современных пьес.

- Принципиальная. Я стараюсь не прикасаться к тому, что так или иначе связано с политикой. Мне кажется, что для художника это губительно. Мне иногда бывает грустно, а иногда и смешно, когда мои коллеги начинают активно заниматься политикой. У них это выходит довольно комедийно. Художник должен голосовать по своему убеждению, защищать свою Родину, когда возникает такая необходимость, но не принимать участия в политической борьбе и не занимать политические посты. Но это моя позиция, за нее мне всегда доставалось, и милостями начальства я никогда не пользовался.

- Вот начальство и не помогает вам выбраться из «спального района» на острове «Лось»...

- Проблема с помещением, с удаленностью театра от центра остается самой больной нашей темой. Театр был когда-то искусственно создан для отдаленного от «заведений культуры» района. Но беда в том, что жителей этого района может хватить на первые пятнадцать спектаклей. А кто поедет в такую даль из центра Москвы? Хотя нашему директору каким-то чудом удается снимать помещение во МХАТе (это огромная плата за аренду и т.д.) Сейчас существует проект обмена нашего здания на более приближенное к центру.

- Борис Александрович, как объяснить, что во многих самых известных ваших спектаклях заняты актрисы весьма и весьма почтенного возраста?

- Я работал со многими замечательными актерами. Но обаяние, шарм спектаклю придает присутствие женщин. Почему я люблю работать с актрисами, мягко говоря, «почтенного возраста», объясняется очень просто. Чем меня покорила Гоголева? Тем, что она героиня труда, народная артистка, оказалась такой доверчивой, наивной и удивительной ученицей, какой не бывает и выпускница вуза. Она играла в одних спектаклях с Южиним и Ермоловой, знала французский язык, воспитывалась в Институте благородных девиц...

В «Письмах Асперна» играет замечательная актриса Урусова. Она необыкновенно талантлива, она пережила огромную трагедию, проведя большую часть своей жизни в сталинских лагерях, но ведь она еще и... княжна Урусова. Словом, такие актрисы обладают той удивительной театральной культурой, о которой я все время тоскую и которую хочу возродить.

Беседу вела
Татьяна СЕМАШКО.
На снимке: с В.А. Обуховой
в Щелковке.

ЮБИЛЕЙ

Новый театр в плену у Серебряного века

Народный артист России
**Борис Александрович
ЛВОВ-АНОХИН** к своему
семидесятилетию юбилею
получил премию правительства
Москвы «За большой вклад в развитие
театрального искусства»
(были отмечены спектакли
«Письма Асперна» и «Опасные
связи»). В последнем
номере газеты «Культура»
юбиляр прочел указ о награждении его орденом «За
заслуги перед Отечеством». Знаменитый режиссер,
балетный и театральный критик, снискавший себе славу
художника изысканного, элитарного и аполитичного, ранее
вниманием властей не пользовался.

- Вам удастся приблизиться к своему идеалу?

- В той или иной степени. Мне судить трудно, но мы не выпустили ни одного спектакля, за который мне было бы стыдно. В каждом из них мы ставим перед актерами достаточно сложные задачи: воссоздание стиля автора, эпохи... Того, чем занимались когда-то знаменитые художники «Мира искусства». Вообще мы в плену у образов и эстетики Серебряного века. Это многие отмечают. Сейчас репетируем пьесу Эжена Скриба «Реванш королевы, или Новеллы Маргариты Наваррской».

- И опять вас будут спрашивать: зачем сегодня ставить пьесу Скриба?

- Помимо удивительно хитроумной интриги, стремительности действия - это возможность блис-

насколько избранная вами классическая пьеса созвучна современности?

- Это все абсолютный вздор, который вдолбили нам с советских времен. Пьеса из современной жизни может быть никому не нужна, и пьеса далекая от современных реалий может звучать очень остро. Я считаю, что все наши спектакли связаны с современностью, но не назойливо, а как бы вторым планом, смыслом. Что такое «Орленок»? Это трагедия имперского мифа. Мифа диктатора, завоевателя, даже такого магического обаяния, каким был Наполеон. А разве мы не переживаем крушение подобных мифов?

Что такое «Опасные связи»? Это трагедия людей, которые разучились любить. Не способных на глубину, искренность, самоотверженность чувств. Разве это не со-

- Да, но сейчас не хочу ставить. Я ставил Володина, Друце, Ганину, Зорина и считал это необходимым, потому что в их пьесах было слово правды. Мне хотелось, чтобы оно прозвучало со сцены в той лжи, в которой мы жили. Сегодня меня современные пьесы отвращают. Потому что пьесы, которые написаны матом, которые говорят о том, какие мы мерзкие, глупые, изуродованные последней семидесятилетней историей, мне не интересны. Может быть, так оно и есть, но у меня нет потребности говорить об этом людям. А хочется говорить о том, что человек из этого состояния способен подняться, быть красивым, совершать красивые поступки, рождать высокие мысли.

- Вы всегда сторонитесь политики. Это принципиальная позиция?